

УДК 325.11:[94(470.51):63-051]

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

С. Н. Уваров

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 426069, г.Ижевск, ул.Студенческая, 11
sergey.uvarov@mail.ru

Рассматривается проблема миграции сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Преимущественно на основе неопубликованных архивных источников показаны масштабы мобилизации селян на фронт, заводы, учебу в школах ФЗО и ремесленных училищах, сезонные работы. Прослежена эвакуация в сельскую местность Удмуртии и реэвакуация из нее. Миграция сельского населения республики очень сильно изменила его состав, что отрицательно сказалось на воспроизводственных процессах и развитии сельского хозяйства.

Ключевые слова: миграция, сельское население, Удмуртия, Великая Отечественная война, эвакуация.

Важный вклад в победу в Великой Отечественной войне внесло сельское население, прежде всего тыловых районов. Жители сел и деревень отправлялись на фронт, на заводы, обеспечивали страну продовольствием, а промышленность – сырьем. Значительная часть эвакуированных разместилась в сельской местности. Война вызвала невиданные масштабы территориального перемещения селян. Между тем, по-прежнему малоисследованной остается проблема миграции сельского населения Удмуртии в годы войны. В советское время из-за ограниченного доступа к архивным материалам она не могла быть всесторонне изучена, хотя тогда был создан немалый задел [Уваров, 2013]. В постсоветский период эта проблема становилась объектом внимания, правда, в более широких территориальных рамках, но в статье Г. Е. Корнилова приводятся в основном относительные данные по Удмуртии [Корнилов, 1993]. Эвакуацию населения, в том числе в сельскую местность республики, отдельно исследовали Н. А. Родионов [Родионов, 1986] и М. Н. Потемкина [Потемкина, 2006].

В данной статье предпринята попытка комплексно рассмотреть миграцию сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Источниками изучения явились в основном неопубликованные документы Центрального государственного архива Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР) и Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Несмотря на то что в годы Великой Отечественной войны показатели территориального перемещения жителей фиксировались с большими погрешностями [Население..., 2001, с. 82], имеющиеся в распоряжении исследователей источники позволяют выявить ведущие тенденции, проанализировать формы и масштабы миграционных процессов сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны.

Накануне войны территория Удмуртской АССР равнялась 41,1 тыс. кв. км. В республику входили 37 районов, 5 городов, 6 поселков городского типа, 466 сельсоветов². На 1 января 1941 г. в сельской местности проживало 848,2 тыс. чел. (табл. 1).

За время войны численность сельского населения Удмуртии значительно сократилась. На 1 января 1945 г. в селах и деревнях Удмуртии проживало только 73,6% этого показателя на 1 января 1941 г., т.е. меньше на 223,8 тыс. чел. В среднем же по Уралу численность сельского населения в начале 1945 г. составила 77,5% от данных на начало 1941 г. [Корнилов, 1993, с. 30]. Естественная убыль деревенских жителей республики за 1941–1944 гг. достигла 14 тыс. чел. Административный перевод 4 сел в поселки сделал около 6,3 тыс. чел. горожанами, т.е. в основном численность сельского населения снизилась в результате миграции.

Таблица 1

Численность населения Удмуртской АССР, тыс. чел.

Дата	Население		
	Городское	Сельское	Всего
1 января 1941 г.	342,2	848,2	1190,4
1 января 1942 г.	388,2	778,8	1167
1 января 1943 г.	392,3	712,4	1104,7
1 января 1944 г.	394	660,1	1054,1
1 января 1945 г.	384,2	624,4	1008,6
1 января 1947 г.	398,7	680,4	1079,1

Примечание: составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 116. Л. 301–336; Д. 118. Л. 39; Д. 126. Л. 5; Оп. 7. Д. 21. Л. 4, 7об., 8; Оп. 17. Д. 4. Л. 6, 8, 8об., 10, 14, 20, 25

В значительной мере село потеряло мужчин. Если на 1 января 1941 г. в Удмуртии числилось 384,3 тыс. селян мужского пола, то к 1 января 1945 г. их осталось 223,2 тыс. (табл. 2). Естественная убыль сельского мужского населения за 1941–1944 гг. достигла 7,6 тыс. чел. Примерно 3 тыс. мужчин превратились в горожан в результате административного перевода сел в поселки городского типа. Еще около 1,8 тыс. чел. составили оставшиеся в сельской местности эвакуированные мужчины. Приблизительно 8 тыс. чел. к 1 ноября 1944 г. уже демобилизовались³. Таким образом, по данным статистического ведомства в 1941–1944 гг. около 160,3 тыс. селян мужского пола мигрировали в города Удмуртии или выехали за пределы республики.

Таблица 2

Распределение сельского населения Удмуртской АССР по полу и возрасту, чел.

Возраст, лет	На 17 января 1939 г. (перепись)		На 1 января 1943 г.		На 1 января 1945 г.		На 1 января 1948 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0-3	52889	52742	81445	84090	22685	22939	23030	23364
4-7	47296	47580			39178	40608	26709	27048
8-13	89488	91873	61318	64784	57798	62099	58285	61757
14-15			23047	26159	19307	22248	18914	20245
16-17	173268	207725	15262	20779	12218	18571	19875	21420
18-24			9231	39276	9172	35400	93480	186999
25-49			29156	129970	24710	120332		
50-54	22871	37959	13260	27429	8660	21380	9752	18850
55-59			9582	20726	9585	19685		
60 и старше	29409	41574	31717	55496	19845	36970	19397	39494
Итого	415221	479453	264436	447983	223155	401274	279027	418862

Примечание: составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 118. Л. 39; Оп. 7. Д. 21. Л. 22, 22об.; Оп. 17. Д. 4. Л. 12, 21, 26

Наибольшее число сельских мигрантов отправилось на фронт, правда, точное их количество неизвестно. По сведениям Военного комиссариата УАССР с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в республике в армию было призвано 234128 военнообязанных сержантского и рядового состава запаса (из них 3196 женщин). Кроме того, за 1941–1944 гг. было мобилизовано 4905 офицеров, но сколько

среди них было женщин или селян, в источнике также не говорится. Итого 239033 чел. В историографии закрепилось мнение о том, что именно такое количество жителей Удмуртии ушло на фронт. Однако, судя по материалам миграции горожан, в армию было направлено не более 45,8 тыс. городских мужчин республики⁴. Поэтому скорее всего в отчет включено количество мобилизованных, оставшихся после призыва на территории республики.

Упоминания о том, что годные к нестроевой службе и негодные к службе в войсковых частях, но годные к физическому труду призывались военкоматом, затем направлялись на промышленные предприятия и прописывались в городе, встречаются в документах республиканского статуправления, хотя их количество не называется. В 1941–1945 гг. 28806 военнообязанных запаса и военнослужащих, годных к нестроевой службе и негодных к службе в воинских частях, но годных к физическому труду, было призвано военкоматами и передано в промышленность. В источниках также показано их распределение по годам и наркоматам⁵.

Возможно, в отчет республиканского военкомата были включены не только жители Удмуртии. В источнике есть указания на то, что в 1942–1943 гг. в республике было призвано в армию 58408 военнообязанных и призывников из числа эвакуированных из других областей и что за 1941–1945 гг. были выписаны из госпиталей и повторно отправлены на фронт 18538 военнослужащих⁶.

Архивные материалы позволяют также определить минимальную численность жителей Удмуртии, призванных в армию. По данным отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при СНК УАССР на 1 января 1945 г. в Удмуртской АССР на учете состояло 128968 семей военнослужащих, из них 30954 семей – в городах, 98014 – в сельской местности. Из этого количества необходимо вычесть число эвакуированных семей военнослужащих, которых насчитывалось 4414, из них 2555 проживали в городах, а 1858 – в сельской местности⁷. Конечно, реальное количество призванных в армию может быть большим, поскольку из одной семьи могли мобилизовать сразу несколько человек.

Сведений о том, сколько селян Удмуртии не вернулись с фронта, также не существует. В республиканскую Книгу Памяти внесены имена 133 тыс. погибших и пропавших без вести [Книга Памяти ..., 2000, т. 9, с. 8]. Из нее можно вычленил только жителей Ижевска. Подсчеты численности по районам (кроме Кезского) Удмуртии и городским пунктам без Ижевска дают цифру в 102,2 тыс. чел.

Первыми с фронта стали возвращаться воины, получившие увечья. На 1 ноября 1944 г. органами социального обеспечения республики было учтено 10652 инвалида Великой Отечественной войны, из которых в сельской местности проживало 8041 чел., в том числе 123 инвалида I группы, 1916 – II и 6002 – III. В сельском хозяйстве было трудоустроено 4641 чел. Инвалиды в меру своих сил и возможностей восполняли недостаток трудовых ресурсов. На 1 апреля 1945 г. 681 чел. работали председателями колхозов, 542 – бригадирами, 650 – счетоводами⁸.

Официально демобилизация началась в 1945 г. и проводилась в несколько очередей. К 1 марта 1946 г. в республику прибыл 26931 демобилизованный, из них 20229 – в сельскую местность. К 15 августа 1947 г. в республику возвратилось 48210 демобилизованных, в том числе 34837 – в сельскую местность. Из них было трудоустроено в колхозах и совхозах 28594 чел.⁹ К концу 1947 г. по данным Книги Памяти (другие данные не обнаружены) вернулось 118,8 тыс. чел. Судя по контексту, имеются в виду все, кто к тому времени вернулся с фронта, в том числе в период войны, например инвалиды [Книга Памяти ... 1993, т. 1, с. 14]. Скорее всего, в это число вошли и те, кто уцелел из призванных до начала войны. По мнению С. П. Зубарева, приблизительно 25 тыс. призванных из Удмуртии встретили войну на службе в армии и на флоте [Зубарев, 1990, с. 8].

Значительная часть сельского населения в годы войны была мобилизована на работу в промышленность и на учебу в школы ФЗО и ремесленные училища. Окончившие школы и училища направлялись на заводы и становились горожанами. Отметим, что миграция селян в городские населенные пункты также имела плановый характер и протекала в основном организованно, без самотека.

Вопрос о том, какое количество сельского населения было мобилизовано для работы или учебы в городах, тоже является непростым. Еще в 1956 г. Н. А. Мошкин утверждал, что всего на промышленные предприятия республики из сельских районов пришли работать 58900 молодых рабочих [Мошкин, 1956, с. 10]. На него стали ссылаться другие исследователи, но поскольку Н. А. Мошкин не указал источники сведений, принимать приводимую им цифру нужно осторожно.

Учет мобилизованных на работу в промышленность в военные годы был поставлен плохо. Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК УАССР было образовано только в 1943 г. Планы мобилизаций чаще всего не выполнялись. Рост военных тягот с каждым годом усугублял ситуацию с трудовыми ресурсами. Так, в первом полугодии 1943 г. план мобилизации на работу в промышленность и строительство был выполнен на 55,4%: из 9690 чел., подлежащих мобилизации, работали 5372 чел., из них 3518 чел. – из сельской местности. В 1944 г. план мобилизации на постоянную работу в промышленность удалось обеспечить на 63%: из 15920 чел., подлежащих мобилизации, работали 10038 чел., в том числе из сельской местности – 8104 чел. В 1945 г. отмечались случаи укрывательства отдельными колхозами подлежащих мобилизации рабочих в целях использования их для внутриколхозных работ. Выдвигались и лица, по физическому состоянию не пригодные для работы на предприятиях, – инвалиды, больные трахомой, беременные¹⁰.

Мобилизация на учебу в ремесленные училища и школы ФЗО по оргнабору происходила с еще большим трудом. Кроме нехватки людей существовала еще одна проблема, которую охарактеризовал начальник Управления трудовых резервов УАССР. Объясняя причины затягивания призыва в школы ФЗО и ремесленные училища, он отмечал в ноябре 1943 г., что руководители районов совсем прекратили мобилизацию на учебу, считая, что у них есть более важные задания, за выполнение которых с них больше спрашивают: мобилизация рабочей силы на заводы, на торфоразработки, лесозаготовки и т.д. Более того, уже мобилизованных в школы ФЗО посылали на другие работы. Например, в Кизнерском районе 40 мобилизованных в школы ФЗО направили на лесозаготовки за 80 км от него, аналогичные факты имелись еще как минимум в восьми районах республики.

Дефицит людских ресурсов привел к тому, что в конце 1943 г. призыв в школы ФЗО и ремесленные училища проводился в сельской местности в значительной степени и в городах почти полностью за счет учащихся Наркомпроса. Из районов республики в 1942 г. в школы ФЗО было мобилизовано 1635 из 2000 чел. по плану, или 81,6%; в 1943 – 4656 из 6505 чел. по плану, или 71,6%. В ремесленные училища из районов в 1943 г. было мобилизовано 1646 из 1750 чел. по плану, или 94,1%¹¹. Но и не все поступившие учиться доучивались. Например, к 1 сентября 1943 г. число дезертировавших из ремесленных училищ и школ ФЗО достигло 1439 чел. Всего в 1941–1945 гг. для промышленности (в том числе за пределами республики) было подготовлено ремесленными училищами Удмуртии 10986 молодых рабочих, школами ФЗО – 22181¹² (в источниках не показано их распределение на селян и горожан, юношей и девушек).

Однако часть пришедших на заводы рабочих впоследствии уходила. Например, на крупнейший в республике Ижевский машиностроительный завод (№ 74) в 1941 г. пришло работать 22047 чел., а покинуло его 7572 чел., в 1942 – соответственно 12201 и 12563, в 1943 – 8396 и 6823, в 1944 – 2869 и 6902.¹³ Причины ухода были самыми разными. Очень многие дезертировали. С завода № 74 в 1942 г. самовольно ушло 4563 чел., в 1943 – 3288. Условия работы были трудными, бытовая обстановка – неудовлетворительной. Крайне острой была проблема обеспечения жильем, не хватало одежды, обуви, продовольствия. Поскольку военкоматы на заводы мобилизовали и негодных к воинской службе, среди рабочих была высокая смертность. Многим ВТЭК давали инвалидность. Например, из-за болезней, инвалидности, смерти в 1942 г. на заводе № 74 прекратили работу 2341 чел., в 1943 – 1244¹⁴.

Определить количество селян, перебравшихся в города Удмуртии в годы войны, можно с помощью материалов о механическом движении населения. В 1941–1944 гг. из сельской местности УАССР в городские поселения республики прибыло 94,8 тыс. чел., в обратном направлении выбыло 53,9 тыс. чел. Однако число уехавших часто недоучитывалось, с поправкой на негэтоо выбывшие составили 56,6 тыс. чел.¹⁵ Баланс определялся примерно в 38,2 тыс. чел. в пользу городов. Правда, признавать эту цифру окончательной нельзя. Как было сказано, селяне могли попасть в город еще и другим путем: сначала годные к нестроевой службе и негодные к службе в войсковых частях, но годные к физическому труду призывались военкоматом, затем устраивались на промышленных предприятиях и прописывались в городе.

Статистические органы собирали также сведения о распределении мигрантов по полу и возрасту, при этом без указания места их убытия и прибытия. Но, поскольку в 1941–1944 гг. прибывшие в города Удмуртской АССР из сельской местности республики составили около 76% от всех прибывших из сельской местности (столько же составили выбывшие), анализ половозрастного со-

става даст представление о миграции по направлениям «село – город» и «город – село» в республике.

Прибывшие в 1941–1944 гг. в города Удмуртии из сельской местности распределились по полу практически одинаково: женщины – 63612 чел. (51,1%), мужчины – 60917 чел. (48,9%). Всего в 1941 г. приехало 50213 чел., в 1942 – 27488, в 1943 – 26569, в 1944 – 20259. Преобладание мужчин в среде сельских мигрантов наблюдалось лишь в 1941 г. – 55,9%, в 1942 г. их доля составила 45,1%, в 1943 – 46,3%, в 1944 – 40,3%. В 1941 г. 14,9% прибывших в города составляли дети (0–13 лет), в 1942 – 11,5%, в 1943 – 9%, в 1944 – 9,8%.

Больше всего в среде прибывавших лиц мужского пола было 14–17-летних юношей: в 1941 г. – 21,5%, в 1942 – 28,1%, в 1943 – 33%, в 1944 – 48,3%. Именно в этом возрасте их призывали в ремесленные училища (14–15 лет) и школы ФЗО (15–17 лет). Обращает на себя внимание значительное увеличение удельного веса 14–15-летних юношей в группе прибывавших в город мужчин из сельской местности: в 1941 г. они составляли 3,2%, в 1942 – 4,4%, в 1943 – 11%, в 1944 – 13,9%. Это свидетельствует об истощении людских ресурсов в деревне к концу войны.

Девушек на учебу призывали в более старшем возрасте: в 15–16 лет – в ремесленные училища и в 16–18 лет – в школы ФЗО. Доля 15–18-летних мигранток в числе прибывших женщин в городские пункты Удмуртии из сельской местности в 1941 г. составила 23,7%, в 1942 – 33,6%. В 1943 и 1944 гг. доля 14–18-летних мигранток (статистика в эти годы учитывала более крупные группы) достигала 35,8 и 46,5% соответственно. Также много переезжало в города 19–20-летних девушек-селянок: их доля в 1941 г. была равна 10,4%, в 1942 – 13,2%, в 1943 – 12,3%, в 1944 – 9,6%. Скорее всего, их направили непосредственно в промышленность.

Что касается выбывших из городов республики в сельскую местность, то женщины численно превосходили мужчин – 40,2 тыс. чел. (56,4%) против 31 тыс. чел. (43,6%). По годам они распределились так: в 1941 г. переехало в город 16214 женщин и – 13749 мужчин, в 1941 – 11331 и 8693 соответственно, в 1943 – 6258 и 4714, в 1944 – 6359 и 3870¹⁶. Выходит, что в городской местности закрепилось больше сельских мужчин.

Кроме того, сельское население Удмуртской АССР организовано переселялось за пределы республики. Например, в 1943 г. из колхозов Удмуртии в рыболовецкие колхозы и на предприятия Наркомрыбпрома СССР в Архангельскую, Мурманскую, Камчатскую области и Бурят-Монгольскую АССР было отправлено 1913 семей в количестве 6517 чел., из них 2042 мужчины и 4475 женщин. Трудоспособными (старше 16 лет) были 56% переселенцев, удмуртами – 4974 чел.¹⁷

Убыль селян в годы войны была частично компенсирована прибытием эвакуированного гражданского населения (табл. 3). Максимальное количество эвакуированных, размещенных в республике, пришлось на 1 июля 1943 г. – 78366 чел., из них на селе – 35970 чел. [Родионов, 1986, с. 147]. После июля 1943 г. численность эвакуированных граждан в республике стала сокращаться, прием их был прекращен, а через некоторое время началась реэвакуация, практически завершившаяся в 1948 г. [Родионов, 1991, с. 200].

Таблица 3

**Численность эвакуированного гражданского населения в Удмуртской АССР
(по данным Отдела по хозяйственному устройству эвакуированных при СНК УАССР), чел.**

Местность	На 1 июня 1942 г.	На 1 июля 1943 г.	На 1 января 1944 г.	На 1 декабря 1944 г.	На 1 февраля 1946 г.	На 1 января 1947 г.
Сельская	30802	35970	27991	12216	4395	1712
Всего	63554	78366	54612	27899	14907	10154

Примечание: составлено по: Родионов, 1986, с. 147; ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 165. Л. 1, 77, 78, 79; Д. 234. Л. 6, 73, 74

Стоит уточнить, что Отдел по хозяйственному устройству эвакуированных (до 1942 г. – Переселенческий отдел) при СНК УАССР относил к сельскому населению жителей сельских населенных пунктов, а также поселков городского типа. Поэтому его данные, которыми чаще всего ис-

следователи и пользуются, расходятся с данными Статистического управления Удмуртской АССР. Оно же к сельскому населению относило только жителей сельских населенных пунктов, а жителей поселков городского типа считало горожанами. По единовременным отчетам о возрастном и половом составе сельского населения, которые составлялись Статуправлением УАССР с 1943 г., на 1 января 1943 г. в сельской местности республики проживало 26428 эвакуированных, из них 8577 мужчин, на 1 января 1944 – соответственно 18015 и 8581 чел., на 1 января 1945 – 5241 и 1787 чел. Как видно, различие очень существенное, поэтому в работе с источниками его нужно учитывать.

Еще одним важным источниковедческим замечанием будет следующее. В единовременных отчетах о возрастном и половом составе сельского населения эвакуированных относили к категории «временно проживающее население». Едва ли правомерно причислять всех временно проживавших к эвакуированным. Например, в отчете на 1 января 1944 г. по Удмуртской АССР временно проживавших учтено всего 31196 чел., но есть приписка, согласно которой из них эвакуированных – 18015. Да и в более поздних отчетах, составленных после завершения реэвакуации, категория временно проживавших не исчезла.

Среди эвакуированных, разместившихся в сельской местности Удмуртии, преобладали дети, женщины и старики. Половозрастной состав переселенцев, устроившихся в деревне республики, можно представить лишь приблизительно. На 1 января 1943 г. в Удмуртской АССР доля эвакуированных в числе временно проживавших в сельской местности составила 76,5%, на 1 января 1944 – 57,7%, на 1 января 1945 – 30,4%¹⁸. Поскольку наибольшая доля эвакуантского населения пришлась на 1943 г., проанализируем половозрастной состав временно проживавших на 1 января этого года (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение временно проживавшего населения
в сельской местности Удмуртской АССР по полу и возрасту, чел.**

Возраст, лет	На 1 января 1943 г.		На 1 января 1944 г.		На 1 января 1945 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0-3	3984	3984	1333	1303	563	599
4-7			2061	2003		
8-13	2684	2899	2071	2398	1951	2367
14-15	992	1219	756	1058		
16-17	562	1087	706	900	1914	5507
18-24	480	2591	744	2062		
25-49	1714	7791	1908	5992		
50-54	637	1335	637	924	612	927
55-59	854	1775	452	728		
60 и старше			411	892	261	460
Итого	11907	22617	11079	18260	6359	10889

Примечание: составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 118. Л. 39; Оп. 17. Д. 4. Л. 10, 23, 26

Всего временно проживавших в Удмуртии на 1 января 1943 г. насчитывалось 34524 чел., что составляло 4,8% от всех жителей села. Этот показатель был гораздо меньшим, чем средний по Уралу, определяемый в 8,2%. Из 34524 чел. женщин было 22617 (65,5%), их число в 1,9 раза превосходило число лиц мужского пола (34,5%). На Урале распределение по полу было почти таким же – 64 и 36%. Удельный вес детей (0–15 лет) на Урале достигал 43,8%, в Удмуртии – 45,7%. Доля трудоспособных мужчин (16–54 года) в Удмуртии равнялась 9,8%, на Урале – 12,5%.

Таким образом, 87,5% временно проживавших в уральской деревне в начале 1943 г. составляли женщины, дети и старики [Корнилов, 1993, с. 70], в деревне Удмуртии их было еще больше – 90,2%. Так как 76,5% временно проживавших были эвакуированными, можно сделать вывод о том, что их состав был почти таким же. Материалы показывают, что возникшая в ходе войны диспро-

порция в сельском населении региона, связанная с преобладанием женщин и детей, в ходе эвакуации еще больше увеличилась.

Размещение эвакуированных в сельской местности Удмуртии лишь в малой степени компенсировало отсутствие значительной части трудоспособного сельского населения в связи с отправкой его на фронт, учебу в городе или работу в промышленность. Например, на 1 июля 1943 г. в колхозах, совхозах и МТС республики было трудоустроено всего 9484 эвакуированных¹⁹. Тем не менее не следует забывать о самоотверженном труде этих людей.

Во время войны значительная часть сельских жителей Удмуртии была вовлечена во временную миграцию. Круглогодично сельское население всех районов республики мобилизовали на лесозаготовки, активнее всего – осенью и зимой. Заготовка леса велась в принадлежавших лесозаготовительным организациям лесопунктах, находившихся на большом удалении от колхозов, и порой колхозникам приходилось преодолевать несколько десятков километров, чтобы добраться до места назначения. От колхозника, участвовавшего в трудгужповинности на лесозаготовках, требовалось выполнение за лесозаготовительный сезон фиксированного объема работы. Например, в осенне-зимний сезон 1942–1943 гг. пеший должен был выработать 100 дневных норм, возчик с лошастью – 90²⁰. Однако обычной была практика замены трудившихся в лесу крестьян, что еще больше усиливало миграцию в республике.

Итоговых данных о количестве мобилизованных на лесозаготовки во время войны нет, имеется информация лишь за последние годы войны. Например, в 1944 г. на лесозаготовках и сплаве было задействовано 36511 пеших селян и 18313 возчиков с лошадьми, в 1945 г. – 22260 пеших колхозников и 6472 возчика²¹. Всего за годы войны силами колхозников было заготовлено и вывезено 13 млн. кубометров древесины [Удмуртия..., 1957, с. 129].

Привлекались крестьяне к торфоразработке, хотя в меньших масштабах, но на более длительный срок. Например, в 1943 г. на торфоразработки было направлено 2278 пеших колхозников сроком на 7 месяцев. С 1 апреля по 15 ноября 1944 г. из сельского трудоспособного населения 25 районов мобилизовали 2935 чел., с 15 апреля по 15 ноября 1945 г. – 2410 чел.²²

На строительные работы каждая крестьянская семья Удмуртской АССР в 1941 г. затратила 9 человеко-дней, в 1942 – 17, в 1943 – 8 [Белослудцев, Кутявин, 1950, с. 10]. Трудовым подвигом крестьянства Удмуртии стало строительство стратегически важной железной дороги Ижевск – Балезино длиной около 150 км. Всего было организовано пять массовых выходов колхозников 29 районов на ее строительство. В самый массовый выход (май–июнь 1942 г.) насчитывалось 20175 пеших колхозников и 5794 возчика с лошадьми²³.

Отправка в армию, на работу в промышленность и на учебу наиболее трудоспособной, в основном мужской, части сельского населения, прибытие эвакуированных, в основном женщин и детей, сильно деформировали половозрастную структуру сельского населения Удмуртии во время войны (табл. 2). Имеющиеся статистические данные не позволяют сопоставить все возрастные когорты, но дают возможность понять всю катастрофичность воздействия войны на сельское население республики. В 1939–1948 гг. отмечалось небольшое численное преобладание девочек над мальчиками (0–15 лет). Начиная с 16 лет, разрыв в соотношении мужчин и женщин увеличивается, достигнув к 1 января 1945 г. соотношения 1:4,9 в наиболее дееспособном (25–49 лет) возрасте. Таким образом, деревня Удмуртии осталась почти без трудоспособных мужчин – к началу 1945 г. в колхозах республики насчитывалось около 28 тыс. трудоспособных мужчин старше 16 лет²⁴.

Подытоживая исследование, можно сказать, что Великая Отечественная война вызвала беспрецедентное территориальное перемещение сельского населения Удмуртии. Миграция сельского населения республики очень сильно изменила его состав, что отрицательно повлияло на воспроизводственные процессы и развитие сельского хозяйства региона в годы Великой Отечественной войны и после нее. В то же время уход значительного количества селян в армию, переезд в города явились важными факторами Победы.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Сельское население Удмуртии в 1939–1989 гг.: демографические процессы и развитие», № 12-11-18005а(р).

² ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 113. Л. 18, 20.

³ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 116. Л. 301–336; Д. 126. Л. 5об., 55об.; Оп. 7. Д. 4. Л. 17, 17об.; Д. 6. Л. 8, 8об.; Д. 8. Л. 9, 9об.; Д. 10. Л. 25, 25об.; Оп. 17. Д. 4. Л. 23; ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 51. Л. 173.

- ⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 5. Л. 24об.; Д. 7. Л. 27об., 35; Д. 9. Л. 19об.; Д. 11. Л. 18об.; Д. 13. Л. 17об.
⁵ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 5. Л. 35; Д. 7. Л. 35; Ф. Р-843. Оп. 2. Д. 1. Л. 8, 8об.
⁶ ЦГА УР. Ф. Р-843. Оп. 2. Д. 1. Л. 7, 9, 14, 34.
⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4153. Л. 36.
⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4249. Л. 115; Ф. 228. Оп. 1. Д. 51. Л. 173.
⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4415. Л. 35; ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 796. Л. 63.
¹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3192. Л. 40; Д. 3675. Л. 6; ЦГА УР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 50. Л. 19.
¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 391. Л. 18, 22, 22об., 26, 41, 41об; Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 50. Л. 19; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3460. Л. 14а об.
¹² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3687. Л. 3об.; ЦГА УР. Ф. Р-1273. Оп. 2. Д. 6. Л. 2, 2об.
¹³ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 1766. Л. 44, 45; Д. 1799. Л. 93, 94; Д. 1857. Л. 39об., 40; Д. 1897. Л. 44, 44об.
¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 1857. Л. 40.
¹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 3. Л. 5об., 6об.; Д. 5. Л. 15об., 24об., 29об.; Д. 7. Л. 26об., 27об.; Д. 9. Л. 18об., 19об.; Д. 11. Л. 17об., 18об.; Д. 13. Л. 16об., 17об.; Д. 15. Л. 13об., 14об.
¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 5. Л. 21, 21об.; Д. 7. Л. 31, 31об.; Д. 9. Л. 22, 22об.; Д. 11. Л. 20, 20об.
¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 121. Л. 100–106, 110–112, 114–115.
¹⁸ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 118. Л. 39, 43; Оп. 17. Д. 4. Л. 10, 23, 26.
¹⁹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 123. Л. 6.
²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 183. Л. 102.
²¹ ЦГА УР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 22. Л. 2; Д. 50. Л. 22.
²² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3675. Л. 5; ЦГА УР. Ф. Р-1112. Оп. 1. Д. 112. Л. 148–150; Д. 120. Л. 82–85.
²³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3616. Л. 4.
²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 6а. Д. 26. Л. 40.

Библиографический список

- Белослудцев В. П., Кутявин И. Ф.* Сельское хозяйство Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Зап. Удм. НИИ. Ижевск, 1950. Вып. 13. С. 3–21.
- Зубарев С. П.* В боях за Родину: о ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск, 1990. 472 с.
- Книга Памяти Удмуртской Республики. Ижевск, 1993–2000. Т. 1–9.
- Корнилов Г. Е.* Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отеч. история. 1993. № 3. С. 67–82.
- Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. 222 с.
- Мошкин Н. А.* Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956. 71 с.
- Население России в XX в.: в 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2001. 416 с.
- Потемкина М. Н.* Эвакуация населения в уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2006. 265 с.
- Родионов Н. А.* Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний: о ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии: сб. ст. Устинов, 1986. С. 141–166.
- Родионов Н. А.* Реевакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991. С. 186–205.
- Уваров С. Н.* Миграция сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: историография вопроса // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2013. Вып. 1, ч. I. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>. С. 92–101 (дата обращения: 23.07.2013).
- Удмуртия за 40 лет Советской власти: сб. материалов. Ижевск, 1957. 258 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.06.2014

MIGRATION OF RURAL POPULATION OF UDMURTIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. N. Uvarov

Izhevsk State Agricultural Academy, Studencheskaya str., 11, 426069, Izhevsk, Russia
sergey.uvarov@mail.ru

The paper analyzes the problem of migration of rural population of Udmurtia during the years of the Great Patriotic War which was purely studied previously. The main sources for the research are unpublished archival documents. Their analysis allows identifying the shape and amount of rural population's migration during wartime. During the war, the rural population of Udmurtia decreased from 848.2 thousand to 624.4 thousand people, and the percentage of rural population in total population of Udmurtia decreased from 71.3 % to 61.9 %. Rural population decreased mainly due to migration: according to the calculations 160.3 thousand of rural men migrated, and most of them went to the front. The arrival of the evacuated people partially offset the decrease in the number of rural residents. The largest number of evacuees in rural areas amounted to about 26 thousand people in 1943, among which about 90 % were women and children. The changes worsened the structure of the rural population by gender and age greatly: the number of men of working age (16-60 years) in the villages of Udmurtia during the war decreased more than three times – from 196 000 persons at the beginning of 1939 to 64 000 persons at the beginning of 1945. The demobilization after the war has slightly improved the situation: at the beginning of 1948 the number of rural men of working age increased to 132 000 people. But the number was very inferior to the number of women of the same age (247 000 people). Thus, the migration of rural population of Udmurtia during the Great Patriotic War has strongly worsened its structure and negatively influenced the development of agriculture of the Republic during the War and after it.

Key words: migration, rural population, Udmurtia, the Great Patriotic War, evacuation.

References

- Belosludtsev V. P., Kutyavin I. F.* Sel'skoe khozyaystvo Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Zapiski Udm. NII. Izhevsk, 1950. Vyp. 13. S. 3–21.
- Zubarev S. P.* V boyakh za Rodinu: o ratnykh podvigakh synovey i docherey Udmurtii. Izhevsk, 1990. 472 s. Kniga Pamyati Udmurtskoy Respubliki. Izhevsk, 1993–2000. T. 1–9.
- Kornilov G. E.* Migratsiya sel'skogo naseleniya Ural'skogo regiona v gody voyny // Otech. istoriya. 1993. № 3. S. 67–82.
- Kornilov G. E.* Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). Sverdlovsk, 1990. 222 s.
- Moshkin N. A.* Patriotizm trudyashchikhsya Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Izhevsk, 1956. 71 s.
- Naselenie Rossii v KhKh v.: v 3 t. T. 2. 1940–1959 gg. / otv. red. Yu. A. Polyakov. M., 2001. 416 s.
- Potemkina M. N.* Evakonaselenie v ural'skom tylu (1941–1948 gg.). Magnitogorsk, 2006. 265 s.
- Rodionov N. A.* Priem, razmeshchenie i trudovaya deyatel'nost' evakuirovannogo naseleniya v Udmurtskoy ASSR (1941–1945 gg.) // V gody surovyykh ispytaniy: o ratnom i trudovom podvige synov i docherey Udmurtii: sb. st. Ustinov, 1986. S. 141–166.
- Rodionov N. A.* Reevakuatsiya sovetskikh i inostrannykh grazhdan iz Udmurtskoy ASSR v 1943–1948 gg. // Novye issledovaniya po istorii Udmurtii. Izhevsk, 1991. S. 186–205.
- Uvarov S. N.* Migratsiya sel'skogo naseleniya Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriografiya voprosa // XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. Samara, 2013. Vyp. 1, ch. I. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>. S. 92–101 (data obrashcheniya: 23.07.2013).
- Udmurtiya za 40 let Sovetskoy vlasti: sb. materialov. Izhevsk, 1957. 258 s.